

К.С. Григорьева, Л.И. Гайраханов

ПОСТКРИЗИСНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛЕЙ ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

В статье анализируется влияние военного конфликта на функционирование социальных институтов и социальных практик жителей станицы Дубовская Шелковского района Чеченской Республики. Авторы приходят к выводу о том, что кризис и вооруженный конфликт привели к увеличению традиционалистских элементов семейно-бытового поведения населения, снижению солидарности жителей станицы, разрушению прежней системы местного самоуправления, отмиранию старых форм организованной мобильности.

Ключевые слова: *Чеченская Республика, сельские жители, вооруженный конфликт, посткризисная трансформация, социальные институты, социальные практики.*

Keywords: *Republic of Chechnya, villagers, armed conflict, social institutions, social practices.*

Сегодня существует множество работ, посвященных кризису и вооруженному конфликту на территории Чеченской Республики (ЧР). Обилие изданий, прежде всего, обусловлено тем, что еще недавно российско-чеченский конфликт рассматривался как одна из самых острых политических проблем постсоветской России и являлся одним из главных пунктов повестки дня отечественных СМИ. С ослаблением драматичности событий, происходящих в ЧР, как количество сообщений в прессе, так и численность публикаций, посвященных этим событиям, пошла на убыль. Если хронологически проследить библиографию российско-чеченского конфликта, то можно убедиться, что «пиковыми периодами» выхода работ, посвященных данной теме, были 1995–1997 гг. и 1999–2007 гг.

Необходимо отметить, что количество собственно научных публикаций о кризисе и вооруженном конфликте в ЧР остается весьма скромным. Среди наиболее значимых изданий следует назвать два сборника научных статей «Чечня и Россия: общества и государства» (1999) и «Чечня: от конфликта к стабильности (проблемы реконструкции)» (2001), вобравшие в себя фундированные публикации по самым различным вопросам. В частности, здесь можно обнаружить статьи, касающиеся зарождения и развития вооруженного конфликта, социально-экономической ситуации в Чеченской Республике, проблем культуры и образования в ЧР, вопросов этнической и религиозной идентичности, освещения конфликта в российских и зарубежных СМИ, отношений федерального центра и Чеченской Республики.

Что же касается авторских монографий, посвященных теме кризиса и вооруженного конфликта в ЧР, то их совсем немного. Необходимо упомянуть работу Валерия Тишкова «Общество в вооруженном конфликте. Этнография чеченской войны» (Тишков 2001), где на основе богатого эмпирического материала рассмотрен широкий круг вопросов функционирования общества в экстремальных военных условиях. Стоит также отметить две монографии Джабраила Гакаева, где рассматриваются вопросы, связанные с возникновением и развитием российско-чеченского конфликта: «Очерки политической истории Чечни (XX век)» (Гакаев 1997) и «Чеченский кризис: Истоки, итоги, перспективы: (Политический аспект)» (Гакаев 1999). Значительный интерес представляет работа Любови Басхановой «Чечня: общественное мнение в условиях этнополитического конфликта» (Басханова 2004). Написанная на основе многолетних опросов общественного мнения, проводимых на территории ЧР, она посвящена анализу меняющихся представлений жителей Чеченской Республики о кризисе и российско-чеченском конфликте. Заслуживает внимания монография Алексея Малашенко и Дмитрия Тренина «Время юга: Россия в Чечне, Чечня в России» (Малашенко, Тренин 2002), где кризис и вооруженный конфликт в ЧР рассматриваются в более широком контексте общероссийской политической действительности. Наконец, необходимо выделить работу Светланы Липиной «Чеченская Республика: экономический потенциал и стратегическое развитие» (Липина 2007), которая посвящена вопросам постконфликтного восстановления республики.

Перечисленными работами в целом и ограничивается небольшой круг фундированных научных исследований кризиса и вооруженного конфликта на территории Чеченской Республики, что позволяет сделать вывод о явно недостаточной изученности указанной темы.

Если проанализировать общую структуру библиографии кризиса и российско-чеченского конфликта, то можно заметить, что работы, посвященные повседневной жизни населения Чеченской Республики, крайне редки. Недостаток информации о рутинном функционировании чеченского общества восполняется мифами и стереотипами, в результате чего и российские обыватели, и некоторые члены экспертного сообщества усваивают далекие от реальности представления о своих согражданах, проживающих в Чеченской Республике, и о положении в данном регионе. Это обуславливает необходимость исследования повседневного функционирования чеченского социума до, во время и после кризиса и вооруженного конфликта.

Исследование, результаты которого будут представлены далее, было предпринято для изучения того, как кризис и вооруженный конфликт повлияли на социальную структуру, социальные институты и повседневные социальные практики сельского населения Чеченской Республики. Эмпирической базой послужили материалы, полученные в ходе реализации научно-исследовательского проекта «Постконфликтная адаптация сельских жителей Чеченской Республики: социальные аспекты»*. Исследование носило характер case-study (монографического анализа случая). В качестве «случая» была избрана станица Дубовская, находящаяся на территории Шелковского района Чеченской Республики. Основными методами проведения исследования были включенное наблюдение, глубинные интервью с жителями Дубовской и анализ документов.

Занятость населения

До начала кризиса и вооруженного конфликта большинство жителей Дубовской работало в колхозе «Путь к коммунизму» (там же были заняты и жители соседней станицы Бороздиновская). Из трудоспособного населения Дубовской, в восьмидесятые годы составлявшего в среднем около 1200–1300 человек, в колхозе до начала девяностых годов стабильно числилось около 950 человек.

Проблемы начали появляться в 1989 г. в связи с переводом колхозного хозяйства на полный хозрасчет. Возникшие сложности фиксируют документы станичного самоуправления. Так, в протоколе № 3 заседания исполнительного комитета станичного Совета от 21 марта 1989 г. можно обнаружить следующую информацию: *«Имеются серьезные недостатки по совершенствованию системы трудоустройства высвобождаю-*

* Проект был осуществлен при финансовой поддержке РГНФ в 2009–2010 гг. (РГНФ, проект № 09-03-00376а).

щихся работников в новых условиях хозяйствования. Увеличение зарплаты, как правило, ведется не путем расширения производства, а путем сокращения численности работающих». Всего за два года численность дубовчан, работающих в колхозе, сократилась почти на 200 человек.

В 1991 г. в Чеченской Республике разразился полномасштабный политический кризис, вылившийся в противостояние между Верховным советом и сторонниками Д. Дудаева. Бурные политические и социальные изменения в ЧР привели к ослаблению до того достаточно жесткой системы контроля над колхозными хозяйствами. В начале 1990-х гг. в колхозе «Путь к коммунизму», как и в других колхозных хозяйствах района, начали учащаться случаи хищения колхозного имущества. По воспоминаниям жителей станицы, в разорении колхоза участвовало множество действующих лиц. На кошары нападали неустановленные криминальные группы, угонявшие скот: «С первой войны бардак начался. Чабанов привязывали, в масках приезжали на КАМАЗах, скот грузили, увозили. Непонятно, кто такие» (житель Дубовской).

Руководство колхоза потихоньку распродало колхозное имущество: «Наше руководство, вот они вот все и развалили, продали все. Как Союз развалился, так руководство стало все потихоньку продавать: баран, овец...» (житель Дубовской).

Новые республиканские власти требовали от колхозов материальных субсидий на военные нужды: «Тут приезжают с такой запиской: “100 голов баран туда отдать”. С министерства приезжают. Потом 10 коров отдать... С министерства бумаги идут, а эти бумаги просто к отчету, а хозяйству вот никакой прибыли не шло» (житель Дубовской, работник госхоза «Дубовское»).

Наконец, мелкие кражи совершали рядовые колхозники: «Просто растащили поголовье каждый себе. Нет хозяина, нет контроля, все» (жительница Дубовской).

Помимо различного рода хищений, упадку колхоза способствовало установление чрезвычайного положения, а после начала военных действий — закрытие границ между населенными пунктами и полное отсутствие государственной поддержки. О темпах разрушения колхозного хозяйства можно судить по динамике сокращения количества занятых в нем работников. Если в 1990 г. общая численность колхозников (из Дубовской и Бороздиновской) составляла 1110 человек, то в 1998 — 263 человека.

Вторая военная кампания, начавшаяся в 1999 г., нанесла очередной удар по колхозу. Во время нее была разбита часть хозяйственных построек, опять произошло закрытие сообщения между населенными пунктами, вновь было установлено военное положение. В 1999 г. общее

количество работающих в колхозе снизилось еще почти на треть и стало составлять 184 человека. В дальнейшем эта цифра продолжала снижаться.

Таким образом, можно говорить о том, что уже к концу 1990-х гг. организация, прежде игравшая центральную роль в жизни населения Дубовской, пришла в упадок. На данный момент в Дубовской, при общем количестве трудоспособного населения в 1176 человек, насчитывается 976 безработных. Крайний дефицит качественных рабочих мест соседствует с крайне низкой квалификацией подавляющей части населения. Это влечет за собой широкое распространение коррупционных практик на республиканском рынке труда. Коррупция, в свою очередь, ведет к обесцениванию хорошего образования и высокой квалификации, что приводит к увеличению той доли работников, которая не обладает необходимыми профессиональными навыками и не является привлекательной ни для республиканских работодателей, ни для работодателей, находящихся за пределами ЧР. В этой ситуации основными стратегиями выживания становится работа на личных подсобных хозяйствах, «жизнь в долг» (в долг приобретаются не только относительно дорогостоящие товары, но и еда, и товары первой необходимости), а также оформление фиктивных социальных пособий (пенсий, пособий по инвалидности и т. д.).

Образование

До начала девяностых годов Дубовская средняя школа не уступала другим региональным школам РФ. В восьмидесятые годы в ней насчитывалось около пятисот учащихся, она была неплохо укомплектована педагогическими кадрами. Костяк педагогического состава представляли пожилые учителя с высшим педагогическим образованием и большим стажем работы. Помимо школы в станице существовал детский сад «Золотой ключик», работавший при колхозе.

Процесс разрушения колхозного хозяйства, о котором говорилось выше, повлек за собой разрушение системы дошкольного образования Дубовской: в 1995 г. детский сад «Золотой ключик» закрылся. В то же время система школьного образования под воздействием кризиса и вооруженного конфликта подверглась существенной деформации.

В начале девяностых годов в Дубовской СОШ значительно увеличилась текучка кадров. Предвоенный 1993 г. и год начала вооруженного конфликта принесли первую волну массовых увольнений учителей: в 1993 г. количество уволившихся учителей составило 13 человек, а в 1994 г. — 11 человек. Заполнить открывшиеся вакансии дирекция Дубовской СОШ не смогла: в 1993 г. было принято всего 5 учителей,

и столько же в 1994 г., причем часть новых преподавателей не имела педагогического образования. В 1995–1996 гг. процесс оттока педагогических кадров несколько замедлился, однако после провозглашения независимости ЧР, последовала вторая волна массовых увольнений: в 1997 г. из школы уволилось 12 учителей, директор и замдиректора, а в 1998 заявление об уходе подали еще 9 учителей. К августу 1998 г. в Дубовской СОШ оставалось всего 12 учителей, причем лишь двое из них имели профильное высшее образование, один — незаконченное высшее и трое — среднее специальное. Остальные шесть педагогов имели общее среднее образование. С началом второй военной кампании, когда федеральный центр возобновил выплаты зарплат бюджетникам, ситуация стабилизировалась. Активный набор новых преподавательских кадров, с 1999 г. начавший перекрывать количество увольнявшихся учителей, привел к тому, что жесткий дефицит педагогов был ликвидирован. Однако годы кризиса и вооруженного конфликта серьезно сказались на качестве учительского состава. В период острой нехватки педагогических кадров школьные вакансии нередко заполнялись за счет лиц, не имевших ни высшего, ни среднего специального профильного образования. В списке приказов о приеме на работу в Дубовскую СОШ с 1995 по 2001 гг. можно обнаружить бывших библиотекарей, секретарей, лаборантов, студентов-заочников младших курсов вузов и средних специальных учебных заведений, воспитателей детского сада, а также просто людей с полным средним образованием. Многие из них так и остались преподавать в школе, заочно получив профильное образование.

На сегодняшний день в станице отсутствуют учреждения дошкольного образования, что, по свидетельству учителей, отрицательно сказывается на уровне подготовки детей, поступающих в первый класс, и замедляет процесс освоения ими общеобразовательной программы: *«Дошкольного образования нет и все. Самой подготовки нет. Вот раньше дети приходили в первый класс, они уже и алфавит знали, они знали цвета все. А сейчас показываешь, они не знают, какой это цвет. В первый класс дети пришли!»* (учительница Дубовской СОШ).

Другим значимым фактором, негативно влияющим на усвоение учащимися общеобразовательных дисциплин, является то, что большинство из них, приходя в школу, не владеет русским языком: *«Вся проблема в том, что дети не знают русского языка. Вот мне приходится с русского переводить на чеченский, чтобы они поняли»* (учительница начальных классов Дубовской СОШ). Активное овладение русским языком продолжается на всем протяжении младшей школы, что существенно затрудняет процесс обучения.

Значительная часть учеников Дубовской СОШ покидает школу после 9 класса, при этом многие из них так и останавливаются на достигнутом уровне образования. Несмотря на действующий закон об обязательном общем образовании, не являются чем-то экстраординарным и случаи ухода из школы учащихся, не закончивших 9 класс: *«В нашем классе две девочки замуж вышли. Одна сейчас 8 класс закончила и вышла. А другая, ну, ей 16 или 17 лет, когда она была в 6 классе, ее поздно в школу отдали... Она ушла отсюда в 6 классе и замуж вышла»* (ученица 9 класса Дубовской СОШ).

После кризиса и вооруженного конфликта качество педагогического состава Дубовской СОШ по-прежнему остается невысоким. По утверждениям респондентов, некоторая часть школьных преподавателей имеет «липовые дипломы» об образовании: *«Тут многие с купленными дипломами, это все знают в станице»* (жительница Дубовской).

В сложившихся обстоятельствах те, кто хочет дать качественное образование своим детям, стараются отсылать их учиться за пределы своего населенного пункта и республики.

Самоуправление

До начала кризиса и вооруженного конфликта станица Дубовская обладала стандартной советской системой самоуправления. Во главе нее стоял Совет народных депутатов, из рядов которых избирался Исполнительный комитет (Исполком) и формировались специальные комиссии. Функции полицейского надзора осуществлял единственный милиционер, работавший одновременно и на территории станицы Дубовской, и на территории соседней станицы Бороздиновской. До второй половины восьмидесятых годов этого стража порядка вполне хватало обоим населенным пунктам, поскольку самыми крупными ЧП здесь были пьяные драки, мелкое хулиганство и так называемое туеядство.

Проблемы начались в 1989 г.: на фоне экономического кризиса, охватившего станицу, лояльность населения властям резко снизилась. К 1991 г. рычаги управления станицей были частично утеряны. Резко увеличился уровень правонарушений: стремительно росло количество краж как колхозного, так и частного имущества, участились случаи хулиганства и драк с участием молодежи, конфликтов между жителями станицы. 1991 г. стал последним годом существования Дубовского Совета народных депутатов.

В феврале 1992 г. в станице прошли выборы в новые органы местного самоуправления. Новая административная структура значительным образом отличалась от прежней: исчез Совет народных депутатов, Исполком, комиссии и все прочие старые советские органы управления.

Им на смену пришел аппарат местной администрации, состоявший из главы местного самоуправления, ее заместителя, секретаря и управляющего делами.

С открытием военных действий в станице возник и начал разрастаться правовой и властный вакуум. Активный процесс развала колхозного хозяйства, резкое увеличение безработицы, появление беженцев из других районов республики, где шли активные военные действия, привели к стремительному обнищанию станицы. Повальный характер приобрело воровство: *«Бардак был. В дома залазили. Последнее тащили, вот этих вот кур-мур, кто одинокие...»* (житель Дубовской). Распространенным явлением также стали бандитские налеты неустановленных вооруженных группировок.

После окончания первой военной кампании властный и правовой вакуум продолжал разрастаться. С отменой выплаты федеральным центром зарплат бюджетникам, пенсий и пособий, при продолжающемся стремительном сокращении рабочих мест обнищание населения достигло предела: *«Был период мы ни пенсию не получали, ни пособия по безработице, ничего, ни зарплаты. Было время, вот закрутили мы закрутки, птиц держим, все. Это у нас было после первой войны, период был такой кризисный. Мы-то еще в колхозе работали, зерно продавали, а люди, которые не работали, вообще тяжело было»* (жительница Дубовской).

В этих условиях масштабы бытового воровства еще более увеличились и одновременно участились нападения на станицу организованных вооруженных группировок. Появились случаи похищения людей: *«Одного трижды похищали. Один раз выкуп дали, второй раз с полдороги вернули и третий раз тоже выкуп дали. Человек сильно пострадал, на этой почве заболел. Как его третий раз украли, увезли, сразу они уехали. Между войнами похищали. И деда увозили еще, даргинца. Также освободили»* (жительница Дубовской).

В ходе второй военной кампании и после начала восстановительных работ утраченный в годы кризиса и вооруженного конфликта властный и правовой контроль был восстановлен. Прекратилось повальное бытовое воровство в станице — кражи, как и в советский период, стали редким явлением. Были возобновлены выплаты социальных пособий, пенсий и зарплат бюджетникам из федерального центра. Однако масштабная безработица и чрезвычайно низкий уровень жизни большинства населения приводит к острой ностальгии по советскому периоду.

В сложившейся ситуации местная администрация предпочитает игнорировать мнение жителей станицы, которые по-прежнему невысоко оценивают деятельность станичной системы самоуправления. Чтобы удержаться на занимаемых постах, представители местной администра-

ции активно используют родственные связи и демонстрируют подчеркнутую лояльность по отношению к республиканским и федеральным властям.

Отношения между жителями станицы

В документах станичной администрации, колхоза и школы вплоть до второй половины восьмидесятых годов отсутствуют упоминания о каких бы то ни было серьезных конфликтах между жителями Дубовской. Свидетельства респондентов наполнены воспоминаниями об общих праздниках, устраиваемых колхозом, вполне благополучных отношениях с коллегами по работе, одноклассниками, соседями: *«Я в любой двор в этом районе заходил. Я не говорю, в чеченский двор, в русский двор, в казацкий, ногайцы, аварцы, даргинцы... Я просто без спроса. Крикнул: “Э-э-эй!” Сел, чай пью, кушаю, смеюсь, все, ни твой, ни мой. До того были люди дружелюбные, до того уважительные друг к другу»* (житель Дубовской).

Изменение ситуации начинает наблюдаться в 1989 г., когда в школьной и административной документации появляются упоминания об учащении случаев хулиганства, вечерних и ночных сборов групп ничем не занятой молодежи, ухудшении успеваемости и увеличении случаев плохого поведения школьников. В Решении № 9 Дубовского станичного Совета народных депутатов от 3 февраля 1989 г. «О хулиганских действиях некоторых лиц станицы Дубовской» читаем: *«Последнее время в станице молодежь ведет себя неприлично. 30 января 1989 года в станице произошла драка в вечернее время, где была в основном молодежь. Во время сеансов в вечернее время можно слышать выкрики, свист, молодежь может появляться и в нетрезвом состоянии»*.

Военный конфликт двояким образом повлиял на взаимоотношения жителей станицы. С одной стороны, наши респонденты свидетельствуют о том, что обитатели Дубовской старались помогать друг другу: делились транспортом, продуктами, местами укрытия во время обстрелов и т. д. С другой стороны, повальное воровство, широкое распространение насильственных практик, использование силовых, а не правовых методов достижения самых разных (от политических до бытовых) целей создало атмосферу всеобщей нервозности, недоверия и отчужденности. Особенную неприязнь у коренного населения Дубовской вызывали «пришлые»: беженцы, переселенцы и все прочие приезжие, поскольку «старожилы» подозревали, что основная часть правонарушений совершается ими. Уменьшение внутригрупповой солидарности жителей станицы было обусловлено также процессом деградации центральной организации Дубовской — колхоза, окончательный развал которого пришелся на период второй военной компании. Если раньше практиче-

ски все трудоспособное население станицы работало в колхозе и, таким образом, было связано между собой не только соседскими и родственными отношениями, но и профессиональными, то теперь большинство жителей станицы являлось безработным, а, стало быть, и ежедневное трудовое взаимодействие ушло в прошлое: «*Раньше мы все работали в колхозе, все друг с другом общались, все друг друга знали. А теперь я даже половины не знаю из тех, кто здесь живет*» (житель Дубовской).

В целом, можно сказать, что кризис и вооруженный конфликт привели к снижению солидарности жителей станицы и повышению случаев различных столкновений между ними. На сегодняшний день наблюдается выраженная неприязнь старожилов по отношению к новоселам, немало стычек и ссор происходит среди детей школьного возраста, множество столкновений возникает среди молодежи, нередки конфликты и в семьях. Конфликтами также отмечены отношения в профессиональных коллективах.

В сложившихся обстоятельствах многие сужают круг своего общения до родственников и хорошо проверенных старых знакомых, предпочитая не вступать в контакт с «посторонними».

Литература

Басханова Л.С.-Э. Чечня: общественное мнение в условиях этнополитического конфликта / Отв. ред. В.В. Черноус. Ростов н/Д: СКНЦ ВШ, 2004.

Гакаев Д.Ж. Очерки политической истории Чечни (XX век): в 2 ч. М.: Чеченский культурный центр, 1997.

Гакаев Д.Ж. Чеченский кризис: Истоки, итоги, перспективы: (Политический аспект). М.: Чеченский культурный центр, 1999.

Липина С.А. Чеченская Республика: экономический потенциал и стратегическое развитие. М.: ЛКИ, 2007.

Малашенко А., Тренин Д. Время юга: Россия в Чечне, Чечня в России. М.: Гендальф, 2002.

Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). М.: Наука, 2001.

Чечня и Россия: общества и государства / Ред.-сост. Д.Е. Фурман. М.: Полинформ-Талбури, 1999.

Чечня: от конфликта к стабильности (проблемы реконструкции) / Отв. ред. Д.Д. Гакаев, А.Д. Яндаров. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2001.